

Чжао Циншу всегда был осторожен. Хотя он хотел участвовать в западном походе, он не мог действовать свободно. Даже если бы он смог навредить Сяо То, он вряд ли бы осмелился. Кроме того, финансирование требовало дополнительных закупок, и в этом было слишком много переменных. А в деле о контрабанде соли он смутно чувствовал, что главный зачинщик был больше связан с Чжао Моцзянь. Взвесив все, он неизбежно выбрал последнее.

Что касается Чжао Моцзянь, даже если бы она могла отказаться от финансирования, драгоценная наложница Сяо не позволила бы ей шутить с ее братом. Кроме того, она, вероятно, уже готовилась искать сокровище императора Юна, и на этом этапе она не могла отказаться от этого.

Как и ожидалось, когда они посмотрели друг на друга, между ними пробежала скрытая напряженность, но затем они одновременно заявили, что Чжао Моцзянь и Чжао Цзыянь займутся вопросом финансирования, а Чжао Циншу, как инспектор, будет помогать заместителю главы Верховного суда Юй Вэньханю в расследовании дела о контрабанде соли в резиденции Сюань.

Чжао Цзыянь смотрела на них и слегка улыбнулась. «В споре рака и щуки выигрывает третий». Если Чжао Циншу будет заниматься делом о контрабанде соли, то любая зацепка, связанная с Чжао Моцзянь, будет им использована.

После аудиенции Чжао Моцзянь выглядела мрачной. Какими бы ни были намерения императора Цина, она уже чувствовала, что что-то не так. Раньше она думала, что император, увлеченный золотыми пилюлями, будет все больше пренебрегать государственными делами и назначит наследника раньше времени. Но теперь она видела, что ее отец по-прежнему остается загадкой.

Смотря на Чжао Цзыянь, которая мягко беседовала с несколькими министрами, Чжао Моцзянь становилась все мрачнее. Затем она с улыбкой позвала:

— Девятая младшая сестра...

Вернувшись в свою резиденцию, Чжао Цзыянь с усталостью села в кабинете. Ее здоровье только начало улучшаться, и сейчас она не хотела двигаться. Закрыв глаза, она думала о словах Чжао Моцзянь.

«Девятая младшая сестра, я знаю, ты умеешь скрывать свои истинные намерения, и за эти годы ты накопила некоторую силу. Но я советую тебе не мечтать о слишком многом, иначе моя мать не оставит тебя в покое. Хотя ты мне не нравишься, если ты будешь вести себя смирно, я не стану вмешиваться. В противном случае, ты сама убедишься, насколько сильнодействующим было то лекарство».

Насколько сильнодействующим? Чжао Цзыянь усмехнулась. Она знала. Она видела, как ее мать слабела с каждым днем, терпя мучительную боль. Сколько бы врачей ни приглашал тот мужчина, сколько бы лекарств ни использовал, он не смог спасти ее. И теперь она сама испытывала эту боль. Но что с того? Пока она не умрет сейчас, она вернет все, что они ей должны. Она может действовать медленно, лишь бы защитить того человека, остальное не имеет значения.

— Цинь, — тихо прошептала Чжао Цзыянь, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза. Казалось, что, произнося это имя, она обрела покой.

В столице уже был апрель, и закаты наступали рано. В сумерках тени от акации на земле

становились все длиннее, а последние лучи солнца на крыше постепенно исчезали. В это время Фу Яньцин медленно возвращалась домой по длинной улице.

Слуги в резиденции, кроме тех, кто был на периферии, были людьми, которых Фу Яньцин тайно сама выбрала. Увидев ее, они лишь почтительно поздоровались.

— Госпожа.

Фу Яньцин кивнула:

— Приготовьте ужин.

— Хорошо, — ответила Лоинь и быстро отправилась выполнять поручение.

Фу Яньцин слегка подняла глаза, окинула взглядом темнеющие деревья и мягко сказала:

— Зачем прячешься? Раз уж пришла, заходи.

Листья слегка зашелестели, и кто-то раздвинул их, появившись перед Фу Яньцин. На ней была тонкая одежда цвета лотоса, и она стояла под темнеющей акацией, с легкой улыбкой глядя на Фу Яньцин.

Увидев, что она одета так легко, и почувствовав холодный ветер, Фу Яньцин нахмурилась:

— У тебя в резиденции нет никого, кто бы заботился о тебе? Сейчас только апрель, ночи холодные, и никто не подумал дать тебе теплую одежду?

Чжао Цзыянь медленно подошла ближе и слегка покачала головой:

— Это не их вина. Раньше я не чувствовала холода, да и люблю тишину, поэтому не разрешала им приходить.

Фу Яньцин все еще хмурилась. Хотя она и не верила, что Чжао Цзыянь заболела, но та недавно кашляла и даже харкала кровью, и ей нельзя было простужаться. Она взяла руку Чжао Цзыянь, и ее кожа была мягкой, но холодной. Не говоря ни слова, она огляделась и повела ее в дом.

Чжао Цзыянь покорно шла за ней, с легкой улыбкой наблюдая за ней.

Войдя, Фу Яньцин нашла верхнюю одежду и протянула ее Чжао Цзыянь:

— Если хочешь остаться, оденься.

Чжао Цзыянь взяла одежду, опустила глаза и с улыбкой надела ее. Она была немного выше Фу Яньцин, но худее, и одежда сидела на ней идеально.

Поправив воротник, она подняла голову:

— Как?

Фу Яньцин равнодушно окинула ее взглядом:

— Хорошо сидит.

Затем она подошла к столу и налила две чашки воды:

— Сегодня ты была на аудиенции. Как ты себя чувствуешь? Почему, вернувшись, ты не осталась в резиденции отдохнуть, а полезла через мой забор?

Чжао Цзыянь хорошо знала характер Фу Яньцин. Она улыбнулась, но, когда Фу Яньцин повернулась, сразу же сделала серьезное лицо:

— Сегодня на аудиенции отец принял предложение Чжао Моцзянь и попросил чиновников двора пожертвовать часть своих сбережений для финансирования западного похода.

Фу Яньцин подняла бровь:

— Неплохое предложение, но капля в море, только вызовет недовольство. Но зачем ты об этом говоришь?

Чжао Цзыянь сжала губы, с легкой горечью сказала:

— Как принцесса, я не могу выглядеть слишком бедной. Сегодня я пожертвовала две тысячи лянов.

— Две тысячи лянов? Откуда у тебя две тысячи лянов?

Фу Яньцин на мгновение задумалась, затем сдержала удивление и спокойно сказала:

— Я забыла, что в Павильоне Яшмы тебе могут дать гораздо больше.

Эти слова удивили Чжао Цзыянь, и она тут же ответила:

— В глазах других у меня, конечно, нет двух тысяч лянов. Я не могла взять деньги из Павильона Яшмы. Поэтому я продала все свои сбережения за эти годы и ценные вещи из резиденции. Теперь у меня, кроме того, что невозможно продать, остались только пустые стены. Наверное, даже одного ляна не осталось.

Сказав это, она с жалобным видом посмотрела на Фу Яньцин:

— У меня даже ужина нет.

Фу Яньцин слегка приоткрыла рот, ее лицо выражало смешанные чувства. Этот маленький плут, обманывать людей — это одно, но как принцесса, она вряд ли могла остаться без ужина.

— Я на обед съела только одну миску, — сказала она, и ее желудок предательски заурчал.

Это было неожиданностью для девятой принцессы, и она слегка покраснела, сжав губы. Фу Яньцин же выглядела все более странно.

Она съела только одну миску на обед? Вспомнив, как в тот день Чжао Цзыянь съела четыре миски риса, она с трудом сдержала смех. Через мгновение она подняла голову, в ее глазах все еще была легкая улыбка, а в голосе звучала насмешка:

— Да, в тот день ты съела четыре миски, а теперь только одну. Конечно, ты проголодалась.

Видя, как уши Чжао Цзыянь покраснели, она подняла бровь:

— Если ты так голодна, то...

Чжао Цзыянь смотрела на нее широко раскрытыми глазами, но Фу Яньцин вдруг изменила тему:

— Но если тебе нечего есть, значит, твои подчиненные тоже останутся без ужина? Я велю приготовить в резиденции рис и отправлю его тебе.

Чжао Цзыянь слегка напряглась, но быстро взяла себя в руки и серьезно сказала:

— Не беспокойся. Они все сильные и едят мало, голодными не останутся. Кроме того, это может привлечь внимание, и если слухи распространятся, это будет плохо.

— И что тогда? Неужели ты не можешь прокормить себя?

Чжао Цзыянь улыбнулась:

— Кажется, я не очень умею заботиться о себе. Поэтому, Цзинь, не могла бы ты содержать меня, праздного человека?

Фу Яньцин с раздражением посмотрела на нее, поправила воротник ее одежды:

— Ты становишься все более непослушной. Если хочешь поужинать со мной, просто скажи, зачем притворяться жалкой.

Чжао Цзыянь посмотрела на нее и тихо рассмеялась:

— Я не притворяюсь. В резиденции действительно почти нет денег, и в ближайшее время придется экономить.

У принцессы всё больше получается заботиться о принцессе, она даже ревнует, не осознавая этого.

— Зачем ты пришла?

— Мне нечего есть.

— Разве у тебя нет Лэ Яо?

— ... Лэ Яо нельзя съесть.

— А меня можно?

— (смущаясь) Можно.

<http://bllate.org/book/16696/1533356>